

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.24412/2076-8176-2024-2-140-164

Г.А. Клевезаль: «То, что передо мной открыты все пути, я знала...»

Д.А. ЗУБАРЕВ

Институт биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН; d.zubarev@idbras.ru

Краткая биографическая справка к воспоминаниям Г.А. Клевезаль, выдающегося биолога, автора новой методики определения возраста млекопитающих и пионера в области исследования регистрирующих структур.

Ключевые слова: Г.А. Клевезаль, териология, регистрирующие структуры, воспоминания.

27 мая 2024 г. исполнилось 85 лет со дня рождения Галины Александровны Клевезаль (1939–2021). Териолог с мировым именем в области онтогенеза, она занималась биоритмами и определением возраста млекопитающих и вошла в историю биологии как пионер в области исследования регистрирующих структур (автор термина вместе с М.В. Миной) (Клевезаль, Смирина, 2016).

Галина Александровна родилась в Москве в семье Александра Петровича Клевезаля (1908–1940) — художника-графика, инженера, автора научных работ по оптике (Клевезаль, 1940). Отец умер через год после ее рождения, и воспитанием дочерей Гали и Нины занималась мать Екатерина Федоровна Клевезаль (в девичестве Орлина; 1901–1984), учительница, дочь репрессированного священника села Солодча (рис. 1, 2, 3, 4, 5).

Рис. 1. Родители: А.П. Клевезаль и Е.Ф. Клевезаль (Орлина)
Fig. 1. Parents: A.P. Klevesahl and E.F. Klevesahl (Orlina)

Рис. 2. Дедушка и бабушка: о. Феодор (Орлин)
с супругой в своем саду (ок. 1936 г.)
Fig. 2. Priest Theodore (Orlin) and his wife
in their garden (c. 1936)

Рис. 3. Дед П.П. Клевезаль
(1954 г.)
Fig. 3. Grandfather Peter von
Klevesahl (1954)

Рис. 4. Дядя К.Ф. Орлин в возрасте 90 лет (1984 г.)

Fig. 4. Uncle C.F. Orlin at the age of 90 (1984)

Рис. 5. Сестра Нина Клевезаль — школьница старших классов

Fig. 5. Sister Nina Klevesahl is a high school

В 1953 г. любознательная школьница, ученица 8-го класса Галя Клевезаль пришла в кружок юных биологов зоопарка (знаменитый КЮБЗ), что послужило весьма важной ступенью в ее формировании как исследователя и человека (рис. 6, 7, 8).

Именно там она встретила своего сверстника Михаила Валентиновича Мину, с которым в дальнейшем прожила почти 60 лет.

Рис. 6. Г.А. Клевезаль — школьница
(1949 г.)
Fig. 6. G.A. Klevesahl — schoolgirl (1949)

Рис. 7. Г.А. Клевезаль в КЮБЗе (1953 г.)
Fig. 7. G.A. Klevesahl in Club of Young Biologists
(1953)

Рис.8. Г.А. Клевезаль — студентка МГУ
Fig. 8. G.A. Klevesahl — student of the Moscow State University

Окончив среднюю школу с золотой медалью, Галина Александровна в том же 1956 г. поступила на биолого-почвенный факультет МГУ, выбрав для специализации кафедру зоологии позвоночных. К 5-му курсу она уже знала, что хочет заниматься морскими млекопитающими и после практики у Е.В. Карасевой, по ее рекомендации, попала в лабораторию биологии морских млекопитающих, руководимую крупным териологом проф. С.Е. Клейненбергом. Именно в этой лаборатории Галина Александровна работала всю дальнейшую жизнь: ее оформили на работу в Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова в 1960 г. (еще при ученике Н.К. Кольцова Г.К. Хрущове). В 1968 г. эта лаборатория вошла в состав Института биологии развития (ИБР), и на ее основе была сформирована Лаборатория постнатального онтогенеза, которой сначала заведовал сам Клейненберг, а позднее — А.В. Яблоков.

Уже в молодые годы Галина Александровна достигла больших успехов в своей работе. Ей не было еще и 23 лет, когда она применила революционную методику определения возраста, обнаружив и изучив годовые слои на клыках у нерпы. В дальнейшем именно Галина Александровна в своей современной работе с мужем ввела в научный обиход понятие «регистрирующие структуры» — так были названы слоистые структуры ткани зубов и кости животных, которые наглядно демонстрируют ростовые слои. Основной областью ее интересов стала разработка и изучение методов определения (в том числе прижизненного) возраста животных.

Будучи сначала младшим, затем старшим и, наконец, ведущим научным сотрудником ИБР, она разрабатывала созданное ею направление зоологии, связанное с углубленным изучением онтогенеза, роста и развития животных. В 27 лет Г.А. успешно защитила кандидатскую диссертацию, предложив способ определения возраста млекопитающих по слоям дентина и в периостальной кости. Ее книга «Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости» (Клевезаль, Клейненбер, 1967) с предисловием С.Е. Клейненберга была дважды переведена на английский язык. В 1987 г. Галина Александровна защитила докторскую диссертацию по теме «Регистрирующие структуры млекопитающих» и в дальнейшем оставалась признанным лидером и авторитетом в этой области, как в России, так и во всем мире. Ее работы дали зоологам, охотоведам, специалистам по охране природы, экологам, морфологам и популяционным биологам ценную методику, которая стала важным инструментом оценки состояния ресурсов (Клевезаль, 2007).

После Чернобыльской катастрофы она в тесном сотрудничестве с физиками и медиками осваивала метод определения накопленных доз радиации по эмали зубов. Основной задачей этой работы, естественно, было определение накопленных доз радиации у человека, но Галина Александровна использовала тот же метод на Новой Земле и на Таймыре, где выполнила интереснейшее исследование по северным оленям и по белым медведям (Ивантер, 2021).

Публикуя работы в российских и иностранных изданиях и участвуя в международных исследованиях, она не прекращала активно заниматься наукой. Последние годы она посвятила изучению так называемой зоны спячки в резцах грызунов, которая позволяет с точностью до дня определить, когда животное вышло из спячки и, по-видимому, достаточно точно судить о самом ходе гибернации (Клевезаль и др., 2015, Клевезаль Г.А. и др. 2020, Клевезаль Г.А. и др., 2021).

«Свободно владея английским языком и будучи весьма общительным и контактным человеком, она чрезвычайно плодотворно сотрудничала с зарубежными коллегами, прежде всего с американскими и польскими зоологами, проведя с ними ряд совместных исследований и подготовив несколько совместных публикаций. Помимо таланта ученого, все знавшие Г.А. Клевезаль коллеги и друзья отмечали ее замечательные человеческие качества» (<https://marmam.ru/news>), об этом писал и хорошо знавший Г.А. член-корр. АН Э.В. Ивантер, который подчеркнул ее «внимание к людям, скромность и доброжелательность, милосердие и отзывчивость, готовность поддержать, прийти на помощь в трудную минуту. Все знавшие её, — продолжает Ивантер, — искренне и глубоко ее любили и гордились общением с нею» (Ивантер, 2021).

«Галя — это, конечно, существо особое, — писал в конце жизни член-корреспондент Академии наук А.В. Яблоков, — редко встречающееся в человеческом обиходе. Для меня она такой нравственный ориентир: если она говорит о чем-то, что это плохо, значит, так и есть, и этим не надо заниматься. Всю жизнь, сколько я ее знал, ее мнение по каким-то ключевым моментам было решающим, и в отношениях с людьми тоже. Бывают люди, которые являются моральными ориентирами, и Галя — из них. Она младше меня, она была моей подчиненной, но с точки зрения морали и нравственности она для меня авторитет номер один. И мне, конечно, очень повезло, что она была рядом со мной в лаборатории» (Яблоков, 2018).

Рис. 9. А.В. Яблоков и С.Е. Клейненберг в лаборатории (ок. 1967 г.)

Fig. 9. A.V. Yablokov and S.E. Kleinenberg in the laboratory (ca. 1967)

Будучи прекрасным рассказчиком, живым и ярким человеком, Г.А. Клевезаль при этом всегда сторонилась популярности и публичности. К счастью, часть ее выступлений и бесед с ней были засняты на видео или записаны на аудионосители. Так, Н.А. Формозовым для фонда «Устная история» было снято и подготовлено к публикации ее двухчасовое совместное интервью с М.В. Миной (2012, 2014). Кроме того, 18 февраля 2018 г. Галины Александровна прочитала в стенах ИБР РАН мемориальный доклад о жизни и работе А.В. Яблокова, а 12 ноября того же года по просьбе Д.Н. Кладо также выступила с сообщением о завлабе на мероприятии «ЯблоковДень» в Дарвиновском музее — оба выступления были также отсняты и размещены в Интернете. В 2020 г. она оставила небольшие, но яркие воспоминания,

взяв с нас слово, что при ее жизни они не увидят свет. Закончить воспоминания она не успела, 11 июля 2021 г. Галины Александровны не стало...

Монтаж отснятых нами видеоматериалов был опубликован на сайте Виртуального музея ИБР РАН в 2023 г. Полностью эти рассказы, включая не вошедшие в монтаж личные воспоминания, мы впервые публикуем ниже. Здесь Г.А. Клевезаль рассказывает о своем непростом детстве в послевоенной Москве, начале пути в науку и об увлечении биологией, КЮБЗе, о знакомстве со своим будущим мужем, известным ихтиологом М.В. Миной, а также об обучении в МГУ, своих первых экспедициях и начале работы в 1961 г. в лаборатории у С.Е. Клейненберга и А.В. Яблокова.

Г.А. Клевезаль

Воспоминания

Мы жили вчетвером — моя старшая сестра Нина¹, мама², бабушка³ и я — в одной комнате коммунальной квартиры в Арсентьевском переулке [сейчас — ул. Павла Андреева]. Я знала, что мама у меня учительница, что отец⁴ был инженером, мне тоже говорили (что он из дворянской семьи — нет). Он умер в сороковом году от болезни и в какой-то мере даже по-глупому: пошёл выдирать зуб с высокой температурой и в рану попала инфекция. В больнице сказали, что это похоже на менингит, «но если это туберкулёзный менингит то мы пас, он не лечится». Оказался именно такой вариант. Туберкулёз в доме вообще был: его мать (моя бабка) умерла от туберкулёза, болел туберкулёзом и его брат (дядя Юра⁵). Жили они (правда, к тому моменту отец там уже не жил) в полуподвальном помещении на Трубной, так что из комнаты ноги прохожих было видно на асфальте. Это тоже не способствовало здоровью. Правда, дед (Пётр Павлович Клевезаль⁶) умер своей смертью безо всякого туберкулёза.

Про семью особо ничего не рассказывали: вот брат мамин — дядя Костя⁷ — тоже учитель; есть семейство деда Клевезаля, но это семейство больше любило мою старшую сестру, чему я была очень рада, потому что я предпочитала ездить к дяде Косте.

¹ Клевезаль Нина Александровна (1932–2002) — художник-станковист, знаток народных художественных промыслов, автор работ о селе Холуй.

² Клевезаль (Орлина) Екатерина Федоровна (1901–1984) — учитель географии.

³ Орлина (Галкина) Александра Ивановна (1866–1951) — попадьё.

⁴ Клевезаль Александр Петрович (1908–1940) — художник-график и инженер, автор научных работ по оптике. Потомок рязанской ветви переселенцев из Мекленбурга в Курляндию, который после ее присоединения к Российской империи принял русское подданство и православие.

⁵ Клевезаль Георгий (Юрий) Петрович (1911–1970) — пианист, музыковед, теоретик музыки, редактор; один из реформаторов нотной системы Брайля.

⁶ Клевезаль Петр Павлович (1872–1962) — юрист, руководитель бесплатной народной библиотеки-читальни в память 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина в г. Касимове. После 1917 г. жил в Москве.

⁷ Орлин Константин Федорович (1894–1989) — учитель истории.

Так и было: Нинка к деду, я к дяде Косте. На какие-нибудь праздники ездили вместе, но дед явно предпочитал Нину, а у меня даже малейшей обиды не было. Я думала: «Ладно, Нинка она клеvezальская, а я дядь-Костина».

Бабушка для меня с детства была бабушкой. Что бабушка верующая, я воспринимала как данное. Что бабушка была попадшей — естественно, я не знала, никто мне этого не говорил. Возможно, это обсуждалось на кухне, потому что помню: очень часто захожу я в кухню (коммунальная кухня и там соседки, одна соседка была с нами дружна — очень симпатичная женщина) и слышу такое: «Осторожно, вошли уши!» Я тогда оборачиваюсь, а уши-то где? Никаких ушей нет! Потом уже, наверное, в последних классах школы только, я поняла, какие уши имелись в виду.

Я знала, что дедушка⁸ мой (мамин папа) жил в Солóдче [сейчас — микрорайон-эксclave Солотча в составе Советского района города Рязани. — *Прим. Д.З.*], был учителем (как мне всегда говорили) и умер. Человек был пожилой, «ну, умер и умер», похоронен где-то там в Рязани. В те времена нас заставляли заполнять подробные анкеты про всех-всех родичей, и важно было писать «кто?», «где?» и «что вообще?». Поразительно, но и мама, впрочем, она была просто учительницей, и ее брат, который был партийным, учителем истории и, по-моему, одновременно даже директором школы — тоже писали, что отец был сельским учителем в Рязанской области и похоронен в Рязани. Слава Богу, компьютеров не было, никак проверить они не могли, и никто в Рязань по этому поводу не ездил. Так что и мама в этом плане уцелела, и дядя Костя уцелел. Хотя неприятные моменты, наверное, были, но дядя Костя ничего не рассказывал, а у мамы все неприятные моменты были связаны с тем, что она взяла фамилию мужа (Клеvezаль), а не оставила девичью (Орлина), та была «более благородная» с точки зрения советской власти.

Так что у меня была верующая бабушка, и до 7 лет моя обязанность была бабушку провожать в церковь — бабушка старенькая, чтобы бабушка одна не ходила. Я это регулярно делала, хотя церковь мне не нравилась. Там было очень тесно и слишком сильно пахло ладаном. Единственное, что меня там привлекало, — давали просвирки — это еда! И вино — ложка вина тоже была приятной вещью.

Когда я пошла в школу, бабушка сказала так: «Теперь светское воспитание, пусть она сама выбирает себе веру». Может быть, потому что я не любила церковь, может быть, еще почему-то, но я абсолютно не помню, чтобы бабушка мне что-нибудь рассказывала про веру! Вообще ноль!

Помню только, что уже в первом классе я своей подружке говорила, что «Бога, конечно, нет, просто его очень давно какой-то человек выдумал. Тот человек выдумал и забыл, а остальным не сказал, что выдумал. Вот остальные и верят, потому что они ему поверили». Такая у меня была легенда.

В школе у меня было спокойное воспитание. В семье меня абсолютно никак не настраивали против советской власти, даже разговора об этом никогда не было. Некоторые вещи я ловила, но это как-то проходило мимо меня. Вот помню, мама со своей ближайшей подружкой тетей Тасей ходили в кино и меня взяли. Смотрели

⁸ Орлин Феодор Иаковлевич (Федор Яковлевич) (1865–1937) — священник церкви села Солотча Рязанского уезда, благочинный 4-го округа Рязанского уезда, новомученик, жертва политического террора. Был репрессирован 26.11.1937 тройкой при УНКВД по Рязанской области по ст. 58-10 УК РСФСР к ВМН — расстрелу, расстрелян в Рязани в ночь 09–10.12.1937. Посмертно реабилитирован 16.05.57 военным трибуналом Московского военного округа (Арх. дело № 4651).

мы фильм «Кубанские казаки». Мне тогда так понравился фильм! Замечательный! Выходим, иду я сзади, и слышу, как мама с тетей Тасей говорят: «Да, хорошо, красиво... Если б еще в жизни так было!» Я думаю: «Господи, эти взрослые! Вечно они всё испортят! Это же про жизнь! Что им еще в жизни надо?»

У меня был внутренний раздрай в первом, втором и особенно, помню, в третьем классе. У нас отличниц дразнили (вероятно, это зависит от ситуации в классе — у нас было так) и, конечно, отличницей быть не хотелось. Но если я приносила плохие отметки, дома мама очень огорчалась. Бабушка рассказывала маме, что у меня какие-то там тройки и четверки. Мама работала в две смены, приходила вечером, садилась и говорила тихим голосом: «Ну что ж ты, Галя! Что же мне делать?» Это усталое лицо... ну и в конце концов я выбрала маму и училась прилично.

Вообще бабушка в этом плане у меня была очень строга — чуть что: «маме скажу!», но не все говорила! Вот, например, я воровала сахар из сахарницы... и попала на этом! Бабушка тоже грозила: «маме скажу!», но не сказала. Это был, наверное, класс четвертый, еще ребенок, а дети глупые.

Тех, кто хорошо учился, принимали в пионеры. В четвертом классе приняли только несколько человек из класса, в том числе меня. Я была этим очень горда по двум причинам: во-первых, потому что я была среди избранных, а кроме того, у нас, видимо, была очень умная старшая пионервожатая — те, кого принимали в пионеры, какое-то время (не помню, как долго) ходили к ней на занятия. Это явно была девчонка старшеклассница, она рассказала нам про пионеров. Все, что я запомнила сразу, поняла сразу и к чему стремилась:

«Пионеры — это те, кто прокладывает путь в джунглях!»

Мне ужасно хотелось прокладывать путь в джунглях, поэтому я вступила в пионеры. А принимали нас ни много ни мало в Музее Ленина, это тоже «знаковая вещь», хотя школа была самой задрипанной (553-я на Люсиновской улице), никак не центральная.

Бабушка умерла, когда я была в пятом классе. После этого мне пришлось вести домашнее хозяйство. Мама в две смены работала, Нина училась в техникуме, а к тому времени уже и в институте — загрузка была большая, значит, хозяйство на мне. Я, естественно, уроки вообще не делала, считалось, что я и так переживу. Мне очень хорошо помогали соседи, то есть замечательно! Вот, например, я поставлю щи варить. Тетя Мотя говорит: «Ты поставила? Ну, иди! Я дальше посмотрю». То есть фактически я даже не знаю, что там я варила, но я была безумно горда тем, что веду хозяйство! Сейчас понимаю, что я там вела, но даже в студенческие годы и еще позже я всегда говорила, что с пятого класса веду дома хозяйство.

Хорошо помню эпизод, когда я училась уже в маминой школе за Серпуховской. Иду домой со своей подружкой (нам было по пути):

- Слушай, Верка, — говорю. — Давай зайдём в магазин, мне нужно мясо купить.
- Ты что? Не выпендривайся!
- Почему? — недоумеваю я.
- Тебе разрешают покупать мясо?
- Что значит разрешают? Кто мне будет разрешать?

А мама меня научила: «Ты подходишь к мясному отделу и говоришь: “дяденька, здравствуй! Мне нужно на борщ”, “мне нужно на щи”, “мне нужно на второе”, и вот он тебе все даст». Действительно, как правило, это срабатывало.

Мы жили тогда очень бедно, потому что платили учителям мало и дома все время экономили. Экономил на всем! И вот я разыскала старую книжку без обложки, где было написано так:

«Мы знаем, что мясо нынче дорого! Вот вам рецепты, как можно прожить без мяса!»

Я пришла в восторг. Один рецепт там назывался «Суп из селедки», до сих пор его помню: «Берете селедку, разделяваете селедку. Из хвоста, хребта и головы варите суп, а на второе подаете селедку!» Я кричу: «Мама! Мама! Завтра будет суп из селедки!», мама сказала: «Знаешь, нам плохо, но не настолько! Давай все-таки это попробовать не будем!»

Потом у меня была еще одна обязанность: относить старую обувь в починку. На втором этаже жил дядя Ваня, очень хороший сапожник. И вот я ему относил старую обувь, а он ее чинил. Как-то очередной раз я забираю обувь, и он говорит: «С вас 70 рублей» (по-моему, так). Я прихожу домой и понимаю, что цифра эта безумная!

— Мама, — говорю, — вот дядя Ваня сделал, я принесла, он сказал, 70 рублей!

— Да, — говорит мама, доставая деньги, — на, иди, отнеси. Дядя Ваня лишнего не берет, так что не переживай!

Я загорелась идеей чинить обувь самой! Как-то где-то колодку достала, еще чего-то... Это видимо, был класс 8-й, уже сознательный возраст. Мама сказала, «вряд ли у тебя получится», но препятствий не чинила. Мама была очень мудрый человек, но ей приходилось слишком много работать.

Зато всю проводку в доме сменила я сама! У нас в Арсентьевском она была наружная. В комнате был маленький шкафчик и большой шкаф. Обычно перед Новым годом мы делали генеральную уборку, и вот на какой-то из них мама говорит мне: «Слушай, вот посмотри там наверху провод проходит, он какой-то черный. Залезай на маленький шкаф, ты легкая, и протри его!» Я залезла на маленький шкаф и увидела, что он черный, потому что там плечом к плечу сидят клопы... Буквально плечом к плечу! Это было вскоре после войны. И мама сказала: «Делать нечего!»

Взяли керосин, и я этот провод им протирала: считалось, что клопы его боятся. В результате эта еще довоенная проводка была со всех сторон вся пропитана керосином. Между тем дом простоял всю войну, когда целый год не топили вообще никак.

В седьмом классе я стала заниматься фотографией. Естественно, ничего купить мы не могли. Кто-то мне подарил фотоаппарат «Любитель» (кажется, дядя Юра), а все оборудование было старое отцовское. Оно было сделано до сорокового года и хранилось, опять же, в неотопливаемом помещении. Без конца у меня перегорали пробки, потому что проводка в красном фонаре и во всей квартире была старая. Я без конца ходила в домоуправление, говорила электрику, что опять пробки перегорели. Когда я ему вконец надоела, он меня научил поставить жучок. Я поставила жучок. Это был уже девятый класс. И в доме у нас проводка полыхнула. Вся!

Я включила фонарь, и по проводу прибежал огонь. Слава Богу, рядом на стене висел тканый не пушистый шерстяной ковер, я выдернула провод и ковром придила. Тогда мама сказала: «Всё! Нужно менять проводку».

Я сама сменила проводку.

Еще запомнился день смерти Сталина. Естественно, тогда радио вообще никогда не выключалось: эта самая тарелка еще с войны так с утра до вечера и долдонила,

сама выключалась на ночь, а в 6 утра снова включалась. Так что о смерти Сталина мы слышали по радио. Мама тогда только сказала: «Да! Что-то сейчас будет!» Ну а мне, девчонке, чего? Седьмой класс, 14 лет: ну там действительно чего-то будет, интересно, не более того.

Иду в школу, прохожу мимо двора ближе к ней, а тут одноклассница выскакивает зареванная. Я к ней бросаюсь:

— Алка, — говорю, — что с тобой случилось?!

Она на меня смотрит как на идиотку. Тут я поняла, что, в общем, к этому событию люди относятся серьезно. Мозги какие-то были! Уже в классе я вела себя скромно, сидела спокойно и не спрашивала, почему там люди скорбят.

Помню, что когда были похороны Сталина, мама, уходя на работу, сказала нам с сестрой: «Если вас от школы поведут на прощание — обязательно пойдите, потому что (вот я была на похоронах Калинина) это все-таки исторический случай и лучше эту историю видеть собственными глазами».

Я это запомнила, но, честно говоря, никуда не рвалась, и от школы нас, естественно, никуда не повели (Нинин класс тоже). Мы благополучно пришли домой, а мама тогда была во второй смене. В ее школе уже дошли слухи, какая там на прощании «ходынка». Она потом говорила: «Я была в ужасе, что я девок собственными руками послала!» Телефонов никаких не было. «Я, — говорила она, — домой летела как на крыльях. Узнала! Слава Богу! Они дома — всё в порядке».

Толком-то я семьей не интересовалась, но где-то в последних классах мама мне рассказала про деда-священника. Не помню, в каком году она получила справку о его реабилитации, но не раньше, чем в пятьдесят седьмом. Она мне эту справку показала и все рассказала. Когда церковь в Солодче уже была разрушена, дед продолжал служить по домам. Перед тем как окончательно его забрать, его вызвали в Рязань, где сказали:

— Кончай ты свою службу! Смотри, ты хороший садовод, у тебя сад замечательный, вот и занимайся садом и вообще занимайся сельским хозяйством.

На что он им отвечал:

— Вы же сами люди идейные! Вы должны понять: я рукоположен, я обязан!

Ну, предупредили один раз, один раз взяли заложником и отпустили, а второй раз взяли и не отпустили. К тому времени уже моя мама в Москве работала и жила, дядя Костя тоже. Ночью к бабушке подъехала подвода, и какой-то крестьянин сказал ей:

— Матушка! Давай отвезу-ка в Рязань, на поезд! Я знаю, что у тебя дети в Москве. Уезжай-ка ты от греха подальше, чтобы с тобой самой чего не было!

И бабушка приехала в Москву, забрав с собой (как мама рассказывала) перину и зингерскую швейную машинку, которая до сих пор у нас стоит и до сих пор работает.

Мама кончила Педагогический институт, но так, чтобы преподавать в младших классах, и сначала вела уроки только там. Когда родилась старшая сестра, мама, естественно, осталась дома, а в 1940-м, когда отца не стало, пошла доучиваться на вечернее отделение, чтобы иметь возможность преподавать в старших классах. Зарплата там была другая, получше. Тогда у учителей были ужасно низкие зарплаты! Мама очень хотела стать математиком и вроде у нее даже были к этому способности, но дядя Костя (я ему потом долго пеняла) сказал: «Ты знаешь, класс не будет

уважать математика-женщину! Ты выбирай какую-нибудь женскую специальность. Вот, например, там география или что-нибудь такое!» Ну, мама послушала и стала географом.

Бабушка так и не узнала о том, что дед был расстрелян в ночь с 9 на 10 декабря 1937 года. После его ареста все думали, что он отбывает срок в лагере, потому что сообщили, что он получил 10 лет без права переписки. Когда мама получила справку о его реабилитации, она пошла к юристу и сказала, что, когда деда посадили, а бабушка, соответственно, уехала в Москву, остался наш дом в Солодче. Хороший дом. Юрист сказал: «Вы имеете на него право — это ваша собственность и вы можете это право восстановить». Тогда мама спросила меня, заинтересована ли я, спросила сестру, но ни Нина, ни я заинтересованы не были, и мама радостно не стала ничего оформлять. И правильно сделала! Потом выяснилось, что в том доме какие-то младшие классы школы занимались (видимо, дом был не очень маленький). Ну что мы, школу будем выгонять?

В школьные годы я металась насчет будущей своей профессии. То, что передо мной открыты все пути, я знала (ведь «перед советскими людьми всегда открыты все пути», как же иначе!), кем захочу, тем и стану, важно понять, кем я захочу. В седьмом классе — астрономом — так мне нравилось, потом еще кем-то, потом в ботанический кружок при Доме пионеров ходила — очень мне нравилось. В кружке был очень хороший преподаватель, замечательный человек и, видимо, жертва лысенковщины, настолько по-взрослому он нам все давал. Вот, например, все растения я знала только по латыни, не зная, что это латынь! И когда в восьмом классе мы пошли на биологическую олимпиаду, это вдруг выяснилось:

— Там растение спрашивают! Кто знает растения?

Я говорю:

— Я знаю... Вот это — *Begonia semperflorens!*

— Ну, ты по-русски скажи!

— Я тебе и говорю по-русски...

Вот он нас так учил. Потом оттуда ушла. А потом вдруг я узнала в седьмом классе, что, оказывается, есть такой кружок при зоопарке (КЮБЗ) и более того, там есть такой Ивантер Эрнест Викторович⁹ и он ищет смену, чтобы работать с тиграми. Ну, всё, тут я пропала! Я пошла в этот самый зоопарк. Конечно, там я уже оробела. Пришла, мне показали, где это — такой маленький домик огорожен садиком, очень страшно туда идти, а там девчужка маленькая сидит. Я была в седьмом классе, а девчужка эта совсем маленькая, как выяснилось, она была в четвертом (Марьянка Аксютина):

— Ты что? — говорит она. — Ты к нам хочешь? Ты боишься? Ну, пойдем!

Взяла меня за руку и привела. Ну и все, значит, в КЮБЗе я пропала.

Миша потом мне говорил, что он меня всерьез не воспринимал. Жутко удивился, когда узнал, что я отличница: «Как! — говорит. — Такая, вечно в КЮБЗе толкалась, такие косички в разные стороны и вообще...». Значит, дальше до конца школы я была в КЮБЗе. Более того, я там оставалась, даже когда мне пришлось перейти в другую школу. Кстати, это тоже интересная для истории вещь.

⁹ Ивантер Эрнест Викторович (род. 1935) — зоолог и эколог, д. б. н., проф., член-корр. РАН, вице-президент Териологического общества. Специалист в области биоценологии, морфофизиологии и эволюционной экологии животных.

Изначально же мы учились отдельно мальчишки, отдельно девочки, а потом было решено, что мы должны учиться вместе. Идея отдельного образования, как в гимназии, насколько я знаю, это была сталинская идея. Когда Сталина не стало, а мы были уже в девятом классе, нас объединяли. Нужно было всех тасовать. А Арсентьевский был как раз промежду двух школ. Одна школа, чтобы до нее дойти, нужно было Люсиновскую переходить — в ней я училась, а другая школа, через Мытную переходить — там учились мальчишки с соседнего двора, с которыми мы дрались. И выясняется, что меня в моей школе не оставляют, я обязательно должна учиться вот в той школе, которая через Мытную. Упросила маму идти хлопотать: «Мама ты же учительница, ну пойди, похлопочи!» Мама пошла в горно, ни много ни мало, и стала им говорить, что вот дочке хочется туда-то:

— Нельзя! Ей тут переходить улицу!

— Но и там переходить улицу, только другую! Обе улицы одинаковые по нагрузке.

— Нет, — говорят, — но вы же понимаете...

— Я сама учительница! — отвечает им мама. — Я все прекрасно понимаю!

— Ах, вы учительница! А где вы преподаете?

— Вообще в другом микрорайоне.

— Вот туда ее и забирайте! В другой микрорайон мы перевести можем, но в своем микрорайоне только так как решило роно, а там, где вы, это же горно!

То, что мне придется переходить не только улицу, но и Серпуховскую площадь, а уж там-то движение было то еще даже в те времена, это уже никого не волновало!

Так я попала в мамину школу. Выяснилось, что школа эта очень хорошая, но там были очень высокие требования, а я не тянула. То есть какие там пятерки, которые до тех пор получала... я, по-моему, по немецкому языку с трудом двойку не получила в первой четверти! Ясно было, что уроки, оказывается, надо делать, то есть надо на это тратить время, а тут кружок при зоопарке, бассейн с восьмого класса... откуда время взять? Ну ладно, бассейн я бросила, но КЮБЗ не бросила! А там, слава Богу, все выправилось.

И вот как я увидела своего будущего мужа¹⁰.

Как-то очередной раз прихожу в КЮБЗ, а там, в этом домике, были такие большие столы — за этими столами всегда проходили заседания и, как правило, ребята (кто не наблюдал за животными и у кого было свободное время) сидели за одним столом в этой комнате и просто трепались.

Вхожу туда и вижу: сидят такие здоровые лбы — восьмой, девятый, десятый класс вообще — и такого маленького шпендрика, которого едва видно из-за стола, с восторгом слушают. Я так с презрением подумала: «Господи, чего это они!» Спрашиваю:

— Кто это такой?

— Это Мишка Мина!

¹⁰ Мина Михаил Валентинович (род. 1939) — биолог широкого профиля, ихтиолог и эволюционный биолог, д. б. н., в. н. с. ИБР РАН, бессменный член редакционной коллегии «Зоологического журнала» (ее основной рабочей группы с 1975 г.), заместитель главного редактора «Вопросов ихтиологии», лауреат премии имени И.И. Шмальгаузена (1998).

Ну ладно, Мишка Мина, так Мишка Мина... Потом Мишка Мина исчез. Я его не видела очень долго и, честно говоря, даже и не думала об этом. Но получилось так, что из всего выпуска 1956 года только он и я получили золотые медали. В те времена золотая медаль давала право поступления без экзаменов в любое учебное учреждение, только по собеседованию.

Миша с семьей в то время жил в Серебряноборском лесничестве. Чтобы ехать с ним вместе на это собеседование, я делала большого крюка: я могла добраться с Калужской площади (оттуда прямо в университет ходил автобус), но предпочитала на метро, чтобы оттуда на 23-м, как сейчас помню, автобусе, ехать с ним вместе. Мне так было бодрее (просто страшно было ехать одной).

Тут тоже очень интересный нюанс. У меня по тем временам было одно платье зимнее — школьная форма, и одно платье летнее — синенькое в беленький горошек. Платья эти периодически стирали, но никакого другого сменного платья не было (тогда многие так ходили). Еще на это летнее платье сверху была такая большая лыжная куртка, когда прохладно. И вот мама мне говорит:

— Пойди ты в школьной форме, она такая приличная!

— Мама, ни за что! В школьной форме не пойду!

Иду я в этом летнем платье, а на него сверху надета большая лыжная куртка! За нас пришли болеть наши же кюбзовские, но старшие, с третьего курса. Один из них смотрит на меня так жалобно и говорит:

— Слушай, давай я твою курточку подержу, а ты иди туда просто в этом синеньком платьице.

Я вошла, села за стол и смотрю — передо мной вышла девчонка в таком шикарном шелковом голубом платье, прямо мечта!.. Это голубое платье вышло. Я села за стол и вижу: бедное голубое платье писало какие-то формулы! «Всё, я погибла!». Кстати, ее я потом не видела в университете...

— А, из КЮБЗа! — тут они меня стали спрашивать. — Кто такой Ковалевский?

— Какой? — говорю.

Это уже хорошо! Их двое было, но я знала обоих. Потом спрашивают:

— Расскажите про великих орнитологов!

Кого-то я, наверное, знала, но самое-то главное что: когда мы вместе с Мишей ехали на это собеседование — за окном гроза и очень красиво по окнам льется вода, — я смотрю на эту воду, а Мишка мне все талдычит: «А ты знаешь известных орнитологов? А ты знаешь такого Сушкина? А ты знаешь, что он орнитолог?...» Тут у меня и выскочило: «А! Вот он мне про это и говорил!» Про этих орнитологов я им все и рассказала, так что меня приняли. Ну а парней принимали не глядя: так, одного парня спросили: «Каких вы знаете полезных грызунов?», он ответил: «Суслик и соболь», тем не менее его приняли и мы учились с ним вместе!

Так состоялось наше знакомство с Мишей. А потом мы всем надоели! Когда мы уже прошли собеседование, остальные еще занимались. И вот мы ходили по нашим друзьям, мешая им учиться, потому что нам делать было нечего. После мы планировали поехать в Приокско-Тerrasный заповедник, но тут нам сообщили, что нас ожидает другое путешествие, о чем Миша написал следующее стихотворение:

Получили кюбзисты однажды медаль —
Дурачьё! Развесили уши,

Мол, поедем сейчас в голубую даль,
Соловьев, мол, там станем слушать.

Но поскольку у каждой медали,
Как известно, две стороны,
Их работать в совхоз послали
По призыву родной страны.

И уехали мы в совхоз, где «копняли» сено, «огребали» сено... Помню, там лошадь наконец смогла войти в конюшню. Смотрим: площадь такой низенькой огородочкой огорожена, мы через нее перешагнули и нам говорят: «Вот здесь навоз-то весь и уберите». Стали навоз убирать, а загородочка эта все выше и выше, выше и выше... Потом выяснилось, что через эту огородочку мы не только перелезть не можем, она выше нашего роста. То-то говорят, почему сюда лошадь не влезала. Это вот такой был совхоз на речке Искона!..

Колхоз это тебе не курорт:
Кормят — иди работай,
А тут тебе как сюрпризный торт —
Престольный праздник в субботу.

Работать со всеми приятно самим
Но в праздник под звуки гармонии
Довольно обидно было им
Свои мозолить ладони...

Там очень забавно было: на работу выходили только старухи, а мужиков нет (работали еще какие-то присланные шоферюги и мы). Зато вечером, как стемнеет, полна улица здоровенных лбов: пьянка, гулянка, гармошка... Потому что там было принято так: вот человек школу кончил, ему еще год до армии (или два), он «отдыхает», на работу не ходит. Потом, когда приходит из армии, он опять «отдыхает» еще год-два там... ну остальные, по-моему, просто разбегались.

И мы там, как утро, выходили на работу, гребли это сено. Нас напугали, сказав: «Если вы, не дай бог, возьмете и дезертируете, вас тут же из университета отчислят». Никто бы нас, конечно, не отчислил, но мы этого не знали. Другая студенческая бригада была довольно далеко. И вот мы к ним приходим, а они уже смылись. Там было два парня с курсов постарше, и они сразу правильно сделали: попросили план работ, всё сдали и уехали. А тут приезжает мужик с факультета, который это все контролировал. Он был страшно рад, что хотя бы мы еще на месте. Мы, однако, тут же сообщили, что тоже хотим на волю. Машину нам не дали. Мы-то полевой народ — с рюкзаками, а девчонки по полю с чемоданами чапали.

Таково было наше посвящение. Причем у нас еще осталось время: нас ведь посылали на месяц, а мы там провели недели две и на оставшиеся дни уже смогли поехать в Приокско-Тerrasный. Причем делать нам там было нечего — никакой темы у нас не было. Мы ходили по лесу, наблюдали, как кюбзовцам и положено.

Надо сказать, мы, кубзовцы, всегда в университете держались стойкой. Не то чтобы вместе ходили за ручку, но все были на слуху друг у друга: когда у кого-то «окно» между парами — сразу куда-то там вместе идем. Вот, скажем, почему я не прослушала ни одной лекции по биохимии (может быть, зря); потому что кубзовец на две года старше меня, Генка Длусский¹¹, сказал:

— Слушай, у меня сейчас окно, пойдем потреплемся!

Я говорю:

— Генк! У меня сейчас лекция по биохимии.

— В учебнике всё есть, он ничего нового тебе не расскажет!

Вот я уходила с лекций, чтобы трепаться с Генкой Длусским.

Так что мы все время держали связь, все знали друг о друге и вообще, наверное, были довольно противными для всех окружающих. Мы считали, что пришли в биологию по зову души, а это не у всех было так. Например, одна моя соученица из школы (в соседнем классе училась и потом, кстати, мы с ней были вполне в хороших отношениях). Она окончила с серебряной медалью и на выпускном вечере я слышала, как она говорит: «Мне на самом деле все равно, куда идти. Поступлю, пожалуй, на биофак». Тут я подумала: «Вот зараза! Она же чье-нибудь место займет. Кто-нибудь из КЮБЗа не поступит, а ей все равно, куда поступать!»

У нас в школе (и у меня, и у Миши) был немецкий. Могу сказать одно: мне всегда хотелось язык знать, но немецкий как-то не шел у меня, ничего интересного в этом языке я не видела. И тут попадаю в начинающую английскую группу, а все остальные кубзовские наши в продолжающейся немецкой (Миша, Маша, Наташа...). И я подумала: «Как так, они в немецкой, а я вроде не с ними, пожалуй, пойду я в деканат проситься, чтобы меня перевели в продолжающуюся немецкую» — и встречаю по дороге зоолога Осмоловскую Варвару Ивановну¹². Мы были знакомы, потому что еще в КЮБЗе мы для нее выполняли такую тему: считали грачей. Это было очень интересное занятие!

В хрущевские времена кто-то брякнул, что вот грачи вытаскивают ростки кукурузы на полях и грачей нужно всех изничтожить, а чтобы их изничтожить, нужно знать, где их грачевники находятся. И вот была спущена тема на кафедру зоологии позвоночных: картировать грачевники Подмосковья. Снарядили на весенние каникулы нас, десятиклассников (или девятые-десятые классы, сейчас не помню, в каком классе это было, но мы с мальчишками уже учились), и мы ходили по деревням и картировали. У каждого был свой маршрут, смотрели, сколько грачевых гнезд где, а Варвара Ивановна Осмоловская у нас эту тему курировала, ей это всё отдавали.

Она меня по этим временам помнила и говорит:

— Ну, как ты, что да как вообще?..

— Да вот, — говорю, — я сейчас бегу в деканат проситься в другую группу.

¹¹ Длусский Геннадий Михайлович (1937–2014) — энтомолог, д. б. н., проф. МГУ, один из ведущих в мире специалистов в области мирмекологии, лауреат премии МОИП за монографию «Муравьи пустынь» (1981).

¹² Осмоловская Варвара Ивановна (1916–1994) — биолог, мемуарист, к. б. н. В КЮБЗе с 1931 г., занималась барсуками и сурками. Окончив биофак МГУ в 1940-м, работала на кафедре зоологии позвоночных; в 1947 г. вышла замуж за своего университетского профессора А.Н. Формозова.

Она говорит:

— Не делай глупости!

Я говорю:

— Почему?

— Немецкий ты худо-бедно более-менее знаешь, он тебе понадобится только читать спецлитературу, а вот английский знать тебе нужно будет обязательно! Так что возвращайся назад.

И редкий случай, когда я восприняла этот совет. Видимо, внутренне мне не хотелось идти в деканат. В общем, я вернулась и осталась в английской группе, и это было очень правильно, потому что только благодаря языку после окончания университета я и получила то замечательное место работы, которое получила. Цепочка была такая. Английский мне очень нравился, я занималась им всерьез и уже к четвертому курсу вполне читала спецлитературу. К тому времени я уже вбила себе в голову, что хочу заниматься морскими млекопитающим (я уже не помню почему, но вбила). В Москве тогда проходило совещание по морским млекопитающим и, естественно, я ходила туда слушать. Тут вышла зарубежная книжка (кому-то ее прислали) про тюленей. Эта книжка пошла по рукам, а народ, кто занимался тюленями, были в основном-то охотоведы: никакого языка кроме русского они не знали! Вот они картинки смотрят, а подписи не понимают. Тогда до меня дошло, я начинаю переводить им под картинкой:

— Слушай, — говорят они, — ты знаешь английский?

— Господи, да так же, как и немецкий, — махнув рукой, сказала я, давая понять, что я английского толком не знаю (немецкий уже забыла, английский еще не выучила).

Это тут же было доведено до сведения моего тогдашнего руководителя, к которому я пришла, что «вот она знает английский и немецкий». И когда я уже поехала на практику, на зверобойные суда, он перед этим мне сказал: «Я договорился, что после окончания ты пойдешь в нашу лабораторию».

Тут получилось так. Когда я вбила себе в голову, что хочу заниматься морскими млекопитающими, на кафедре никто ими не занимался. Где мне ими заниматься, никто не знает, естественно, я при моей достаточной экстравертности дома все уши прожужжала про это. Мама сказала своей подруге, а у подруги была своя подруга, муж которой как раз и занимался этим морскими млекопитающими...

Мама сказала: «Ой, я сейчас попрошу Татьяну, свою подругу, чтобы вот этот самый Клумов¹³ с Галей поговорил». Ну, Клумов честно выполнил свой долг, поговорил. Он действительно занимался этой темой, но главное — ему я была абсолютно до лампочки! А я вцепилась как клещ, и чтобы от меня как-то отделаться, он сунул мне в руки публикацию — пришла тоже зарубежная статья о том, что у тюленей на зубах есть годовые кольца: «Вот переведите!» Тогда я еще была на третьем курсе — и это была прямо бомба!

Я перевела. Пришла к нему: «Вот перевод». Он как-то отмахнулся: ну вроде «иди займись чем-нибудь». Тогда я пошла в университет, на кафедру и, по-моему, Яша Гуревич порекомендовал меня в Зоомузей. Я попросила, чтобы мне разрешили от-

¹³ Клумов Сергей Константинович (1906–2001) — териолог, океанолог, д. б. н., специалист по китообразным, организатор и участник многих экспедиций, общественный деятель и популяризатор науки. Юннат, ученик П.П. Смолина. Муж биолога Ю.А. Филипповой.

пилить у нерпы по одному клыку, с тем чтобы я возраст определила на всех коллекциях. На мое счастье, это разрешили. Я всё сделала. А тут, опять же, с Мишкой-то мы продолжаем общаться (хотя никакого романа между нами еще нет), он рассказывает, что у них на кафедре ихтиологии происходит (кстати, кафедра была очень интересной, сильнее нашей. Я хотела туда пойти, но я рыб на морду не различаю: ну, пожалуй, окуня от щуки отличу, но не больше — красноперку от плотвы уже не отличала никогда. Я пошла на зоологию позвоночных), и он мне рассказывает, что они там делают. И я слушаю, слушаю и думаю: «Ну-ка, ну-ка, дай-ка я попробую сделать то же самое, но на зубах». Повторяю точно их методику и получаю фантастический результат!

Прихожу к Клумову и говорю: «Смотрите, какой интересный результат!» А Клумову и результат мой не нужен, и я не нужна. Тут наступает весна. Мне нужно куда-то ехать на практику (после третьего курса практики у нас свободные). Он снова отмахнулся, но послал меня к какой-то женщине: «Вот ей нужны люди, чтобы работать на Севере». Я к ней пришла, та, посмотрев, сказала: «Господи, девочка, это разве ты мне нужна? Там нужен мужик, на веслах, во льдах работать...» В общем, я шла и редела, ушла зареванная — ехать некуда!

А тут приходит на кафедру позвоночных женщина-зоолог¹⁴, набирает людей в экспедицию (она тоже меня знала по кюбзовским временам), и я поехала с ней. Это называлось «Карасевская фирма»: ты можешь продать «Карасевской фирме» душу, то есть там будешь делать курсовую, диплом и вообще всё. Я же сказала так: «Я продаю вам тело, но не душу — я отработаю у вас сезон, но курсовую не буду делать и диплом делать не буду, поскольку хочу заниматься с морскими млекопитающими!»

Эта Евгения Васильевна Карасева была замечательной личностью: женщина девяноста килограмм веса, очень высокого роста — из тех, что «и коня на скаку оставят», только коню хуже будет, и вообще все что угодно, — прекрасный полевик, замечательный. И экспедиция была фантастическая!

Мы работали на Алтае верхом на съемных лошадях. Перед этим каждому из нас показали, как садиться на лошадь (до этого времени никто из нас, конечно, верхом не ездил), и мы поехали по Чульшману. Это была экспедиция по медицинской зоологии — картировали распространение туляремии или лептоспироза (а может, и того и другого). Наша задача была ставить ловушки и ловить мышей. С нами был врач-микробиолог, мы отдавали ему почки зверей, а он смотрел, есть ли в этих почках лептоспира. Потом картировали зоны заражения.

Карасева женщина была суровая! Поскольку я собираюсь заниматься морскими млекопитающими, а это дело такое «мужское», то мне доставалось больше других. У всех там какой-нибудь отдых, а: «Галька, иди! Ты же собираешься морскими млекопитающими заниматься? Давай! Иди!» У всех между маршрутами перерыв, а Гальку посылают за 30 км на попутной машине за какими-то хомяками. Ну ничего, мне даже интересно было, как вызов. Что ж я, не выдержу? Конечно, выдержу! По дороге, значит, я все ей про морских млекопитающих твержу. Она говорит: «А кого ты знаешь из тех, кто занимается морскими млекопитающими?» Выяснилось, что я

¹⁴ Карасева Евгения Васильевна (1919–2001) — териолог, д. б. н., проф. МГУ. Одна из признанных ведущих териологов страны. Автор многих научных работ, включая монографии. Свою последнюю монографию (1999) посвятила своему первому учителю — А.Н. Формозову.

кроме Клумова вообще никого не знаю персонально! «Ладно, — говорит, — уж так и быть, я тебя познакомлю с очень хорошим человеком!»

Когда мы вернулись осенью в Москву, Карасева позвонила Клейненбергу Сергею Евгеньевичу¹⁵, с которым была в очень хороших отношениях, и сказала так: «Вот есть такая Галя Клевезаль, она совсем как я, только молодая. Пожалуйста, поговорите с ней!»

Как мне потом рассказывал Сергей Евгеньевич, когда мы договорились, чтобы я к нему на каком-то совещании подошла: «Я уже ждал девушку килограмм 90 весом высокого роста, а пришла вот такая фитюлька». Ходила я тогда, конечно, странно: к 3-му курсу косы обрезала, и там такое «бозначто» на голове торчало. Так я к нему и пришла, показав то же, что показывала Клумову. Но Сергей Евгеньевич был настоящий ученый, он сказал: «Слушай! Это же замечательно!» — и рассказал, что и как дальше. Курсовую я, по-моему, литературную сделала на том материале, что уже есть по этой теме, а уже диплом очень хороший был, и я его рано сделала, потому что у меня уже давно все было готово.

На совещании я стала договариваться, чтобы на практику после четвертого курса мне уже ехать по морским млекопитающим, а не по каким-то там грызунам. И поскольку это совещание было первым Всесоюзным совещанием по изучению морских млекопитающих, там был народ со всех концов. Меня согласились взять на Дальний Восток. Я уж не знаю почему, проку от меня Тихомирову¹⁶ было немного (хотя потом мы с ним совместную работу сделали хорошую), но мы договорились, что я к ним приеду и что мы пойдем на зверобойный промысел в море на четыре месяца. Спросили: «Ты укачиваешься?», я в лодку-то в жизни тогда не садилась, но гордо ответила, что нет. Боялась безумно — вдруг укачаюсь! Но оказалось, что действительно не укачиваюсь. Тут повезло с моей ложью.

Мне очень понравилось на Дальнем Востоке. Мне было безумно интересно на этом самом промысле (но это отдельные истории, их много), и я готова была остаться, хотя Клейненберг и сказал мне, что возьмет к себе, но по молодости я думала: «Опять Москва! Опять то же самое! Вот я во Владивостоке остаюсь — это да! Туда распределюсь — это да!»

Мы еще в море были, а у меня целый август свободен, и мы договорились, что я останусь во Владивостоке и буду обрабатывать у них материал по зубам (что потом и делала). Я радостно согласилась.

И только я согласилась, прямо на корабль приходит телеграмма (тогда передавали радиogramмы), что Клейненберг с компанией едут на Чукотку на промысел моржей и приглашают меня к ним присоединиться. Я загорелась! А Тихомиров сказал: «Ты мне дала слово, что обработаешь материал! Что останешься на август». На Чукотке я потом была, но не на моржах, а по серому киту и немного в другом месте. С Клейненбергом же я так и не поехала — деваться мне было некуда, слово «да-

¹⁵ Клейненберг Сергей Евгеньевич (1909–1968) — териолог, специалист по биологии морских млекопитающих, д. б. н., проф. Его исследования морфологии, экологии и промысла черноморских дельфинов завершились публикацией монографии: «Млекопитающие Черного и Азовского морей» (1956). В 1955 г. подписал «Письмо трехсот». В 1959 г. создал и возглавил лабораторию экологической морфологии водных млекопитающих ИМЖ (с 1967 — лаборатория постнатального онтогенеза ИБР).

¹⁶ Тихомиров Эдуард Августович — териолог, специалист по морским млекопитающим, работал в ТИНРО (Владивосток).

дено», и я осталась во Владивостоке. Перед этим я как-то сказала, что хочу у них работать, упомянув, что Клейненберг предлагает работать у него, но тут Тихомиров совершил очень правильный поступок, он сказал: «Знаешь, мы тебя возьмем с дорогой душой, но не делай глупостей. Тебе предлагают лучшую лабораторию вообще в Союзе. Лучшую! А ты останешься у нас?» Ну, в общем, мне тоже ума хватило его понять. Он это сказал очень страстно, потому что хорошо представил себе: «Тут этой дуре предлагают самую шикарную лабораторию, а она понимаешь, кочевряжится, хочет остаться у нас». Он сам был москвичом, там во Владивостоке осел и там очень рано умер.

Я вернулась. Второе доброе дело, которое сделал Тихомиров, — мне оформили работу в августе как практику и хорошо за нее заплатили. Я привезла в Москву фантастические по тем временам для меня деньги, на них я купила маме телевизор, а себе (в комиссионном магазине) пишущую машинку Olivetti. Это было просто счастье необыкновенное. Достать машинку тогда было сложнейшей задачей.

Я не знаю, что бы было, останься я во Владивостоке, но вернуться было правильным решением, потому что работать действительно было очень интересно. Повезло, что в лаборатории был Яблоков¹⁷. Клейненберг потом все время говорил, что я — первая женщина, которую он взял собственноручно, хотя до этого он взял, собственно, только двух людей (Бельковича¹⁸ и Яблокова), но оба действительно были парнями. Клейненберг считал, что будет выбирать только из «мужского пола», но мне было сделано исключение, и я думаю, что опять же из-за языка, так что все упирается в ту цепочку.

Я уже год работала в новой лаборатории. У Клейненберга к тому времени было плохо с сердцем, он много болел и периодически лежал либо в больнице, либо в санатории. В основном я была там под эгидой Яблокова. Тогда телефонов у нас еще не было (даже стационарных), и вот Мишка заходил к нам на работу. Мы с ним встречались не просто так, а развлекались тем, что говорили по-английски. У него уровень всегда был выше, чем у меня, и для меня эти встречи были особенно интересны и важны. И вот Миша очередной раз заходит ко мне на работу, мы уходим, а на следующий день Яблоков говорит мне:

— Слушай, а что это за хмырь к тебе вчера приходил?

А я говорю:

— Этот хмырь, к слову, сказал, что у тебя в той формуле ошибка!

Яблоков в то время осваивал статистику и, чтобы формулы всегда были перед глазами, написал их на громадном листе миллиметровки и повесил на стену. Он посмотрел на стену: действительно ошибка, исправил!

И вот тоже забавно. Яблоков все требовал: «Ты когда замуж выйдешь?» Я говорила: «Ну, слушай, некогда!», он же не унимался: «Ну, когда замуж выйдешь?»

¹⁷ Яблоков Алексей Владимирович (1933–2017) — зоолог, эволюционист, общественный и политический деятель (политик-эколог), член-корр. РАН (1984), д. б. н., проф. (1976). Занимался в кружке юных биологов Дарвиновского музея и ВООП под руководством П.П. Смолина. С 1966 г. — с. н. с. лаборатории морфологии морских млекопитающих ИМЖ. В 1967–1989 гг. — с. н. с., с 1969 г. — завлаб постнатального онтогенеза ИБР. В 1997–2005 гг. — главный научный сотрудник ИБР.

¹⁸ Белькович Всеволод Михайлович (1935–2016) — биолог, д. б. н., проф. зоологии (2013), заслуженный деятель науки РФ. В 1967–1976 гг. работал в ИБР.

Когда же мы решили подавать заявление в ЗАГС, нужно было с работы уйти пораньше. Мише было как-то проще, он тогда во ВНИРО работал, а мне требовалось отпроситься у Яблокова. Я ему говорю:

— Лёш, можно я завтра уйду с работы на два часа раньше?

— Можно, конечно, а что? — спрашивает Яблоков. — Куда ты?

— Вот ты твердил, — говорю, — «когда замуж выйдешь?», я пойду в ЗАГС заявление подавать.

— Да? — говорит удивленно. — А с кем?

— Ха! — говорю, — с кем! Ты мне такого и выбора не оставил. Кто подвернется, с тем и подам!

И не сказала с кем! Потом, конечно, Мишу все знали, но это тоже был очень симпатичный нюанс: ушла и оставила Яблокова в неведении. Пришла на следующий день:

— Ты подала заявление? — спрашивает он.

— Подала!

Вначале мы вообще не хотели расписываться, считали, что это совершенно ни к чему, как вот сейчас модно (мы были «впереди планеты всей»), но тут мама была против. Надо сказать, что мама у меня в жизни только две вещи просила всерьез. Первый раз, когда я в школе училась и в десятом классе (видимо, от перегрузки) заявила: «Не хочу получать медаль, я и так поступлю в университет, не хочу!» Прямо вот так, с криком! Мама сказала: «Слушай. Я тебе очень многое в жизни разрешала и никогда ни о чем не просила. Ты и на кружки ходила, и в КЮБЗ — а мы ездили черт-те куда и мама знала, в какие переплеты мы там попадали, — в общем, я тебя прошу первый раз в жизни — получи медаль, тебе это не трудно — сделай это для меня!» Как говорится, «крыть было нечем». Второй раз она сказала те же самые слова: «Вот я тебя второй раз прошу — если тебе все равно, расписываться или нет, а мне не все равно — так распишись!»

Ну, естественно, наши родители к тому времени уже познакомились, и мама бывала в лесничестве у Миши. Они, конечно, не слишком расспрашивали друг друга. То поколение, видимо, не особенно любило такие вещи: и не спрашивали, и не рассказывали.

А дальше была сама женитьба — это очень забавно получилось. В итоге у нас было четыре свадьбы, причем две (в лесничестве) такие хорошие: одна для кюбзовцев, другая для родни. Родни тогда много было: с Мишиной стороны, помимо его матушки, Елены Сергеевны¹⁹, два его дядюшки, две тетушки²⁰ (то есть пять птенцов из «выводка Карзинкиных²¹»), также его отец, потом моя мама, сестра Нина, дядя

¹⁹ Мина (Карзинкина) Елена Сергеевна (1898–1978) — секретарь-машинистка, библиотекарь.

²⁰ Карзинкин Николай Сергеевич (1891–1967) — инженер-текстильщик; Карзинкин Георгий (Юрий) Сергеевич (1900–1973) — ихтиолог и гидробиолог, д. б. н., действительный член Азербайджанской Академии наук, проф., специалист по биопродуктивности водоемов (есть монография) и по физиологии рыб; Соловцова (Карзинкина) Нина Сергеевна — стенографистка; Игнатъева (Карзинкина) Ирина Сергеевна — экономист.

²¹ Карзинкин Сергей Сергеевич (1869–1918) — потомственный почетный гражданин, возглавлял правления Нижегородского городского ярмарочного товарищества и Общества

Костя, дядя Юра Клевезаль с женой, тетей Зиной²². Еще, помимо родни, на свадьбе был Клейненберг. Напротив него сидели Мишина мать и ее сестры-близняшки, а Клейненберг только говорил: «Порода видна! Порода видна!» Карзинкиных видно сразу — красивые!

За столом слово за слово и выясняется, что Солодча, где мой дед был священником, стояла через Оку от села Медведева, где было имение Мишиного деда, и наши семьи, можно сказать, «общались». Но как общались? Дядя Костя браконьерил в лугах Мишиного дедушки, и вот его поймал егерь, отобрал у него ружье. Потом дядя Костя ходил в карзинкинское поместье и помнил, что там были какие-то барышни на террасе. Ну, ружье ему вернули и вроде бы еще щенка дали...

Хотя Сергей Сергеевич Карзинкин к тому времени был разорен, тем не менее он арендовал луга, чтобы там охотиться на бекасов и на дупелей, а развлекался тем, что выращивал у себя в оранжерее ананасы и персики. За персиками приходили из магазина Елисеева (они эти персики несли на головах в корзинах — настолько персики были нежные). Сергей Сергеевич тогда жил с балериной Некрасовой²³.

За этими разговорами тетя Зина припомнила, что училась в балетной школе этой самой Некрасовой. Причем Елена Сергеевна, вспоминая о ней, деликатно сказала: «жена моего отца», на что тетя Зина (я не помню, тогда ли или же потом) заметила «какая же она ему жена? Мы знали, что она любовница». Видимо, они не были официально зарегистрированы, а в те-то времена это как раз было серьезно.

Кто-то еще говорил: «Как же, как же, помню! Заказывали вагон специально, когда Сергей Сергеевич ехал, и говорили: едет Карзинкин со своей балериной». А потом еще шутили: вот, мол, как складывается, сказали бы тогда: «Ты смотри, внучка нашего батюшки какую партию сделала — замуж за помещичьего внука вышла!»

Это было очень удачно. Моя мама не была такой антисоветчицей, как Елена Сергеевна, но при ней можно было говорить открыто и свободно. Елена Сергеевна же была очень несоветский человек. Нас раздражало, что как вечер, так она прилипла ухом к приемнику и сквозь все «гуделки» ловила «Голос Америки» и «Би-би-си»... Мы не были как-то против, но нам это надоело. Мы и так знали, в какой стране живем, но было противно, что нам напоминают.

2020

Автор выражает глубокую признательность М.В. Мине за помощь в работе!

для содействия русской промышленности и торговли; директор Торгово-промышленного товарищества Ярославской большой мануфактуры, гласный городской Думы, депутат Государственной думы (входил в состав ЦК октябристов). Продолжая семейную традицию чаоторговли, создал фирму «С.С. Карзинкин, М.В. Селиванов и Ко». От жены Елизаветы Васильевны у него было девять детей: Мария, Сергей, Николай, Иван, Александр, Елена, Георгий и близнецы Нина и Ирина.

²² Клевезаль Зинаида Федоровна (1911–1998) — руководитель танцевального коллектива МИХМ. Солостка ансамбля Игоря Моисеева.

²³ Некрасова Ольга Владимировна (1868–1948) — артистка балета и балетмейстер, Герой Труда (1922). С 1918 г. вела педагогическую деятельность. В 1924–1932 — артистка и балетмейстер Московского театра балета для детей. В 1932–1941 гг. была организатором и педагогом Школы сценического танца и хореографического театра «Остров танца» при ЦПКиО им. Горького.

Литература

Демидова О. Поздравляем Галину Александровну Клевезаль с юбилеем! [Электронный ресурс] // «Совет по морским млекопитающим». 27 мая 2019. URL: <https://marmam.ru/news> (дата обращения: 13.07.2022).

Емельяненко А.Ф. Коллеги и соратники прощаются в Москве с биологом и другом Галиной Клевезаль [Электронный ресурс] // Российская газета. 12.07.2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/12/kollegi-i-soratniki-proshchajutsia-v-moskve-s-biologom-i-drugom-galinoj-klevezal.html> (дата обращения: 13.07.2022).

Ивантер Э.В. Памяти Галины Александровны Клевезаль // Зоологический журнал. 2021. Т. 100. № 12. С. 1439–1440.

Клевезаль А.П. Оптический метод изучения напряжений в сооружениях на моделях / Под ред. Г.И. Покровского. М. – Л.: Стройиздат, 1940. 56 с.

Клевезаль Г.А., Зайцева Е.А., Щепоткин Д.В., Феоктистова Н.Ю., Чунков М.М., Суров А.В. Есть ли запись зимней спячки на поверхности резцов у обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*, Rodentia, Cricetidae)? // Зоологический журнал. 2020. Т. 99. № 1. С. 104–112.

Клевезаль Г.А., Клейнберг С.Е. Определение возраста млекопитающих по слоистым структурам зубов и кости. М.: Наука, 1967, 142 с.

Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. 282 с.

Клевезаль Г.А., Лобков В.А., Щепоткин Д.В. Запись зимней спячки на поверхности резцов грызунов: внутривидовая изменчивость и межвидовые различия? // Зоологический журнал. 2021. Т. 100. № 5. С. 524–539.

Клевезаль Г.А., Смирнова Э.М. Регистрирующие структуры наземных позвоночных. Краткая история и современное состояние исследований // Зоологический журнал. 2016. Т. 95. № 8. С. 872–896.

Клевезаль Г.А., Феоктистова Н.Ю., Щепоткин Д.В., Суров А.В. Особенности записи зимней спячки на поверхности резцов хомячков рода *Allocricetulus* // Зоологический журнал. 2015. Т. 94. № 2. С. 259–272.

Клевезаль Галина Александровна // Виртуальный музей ИБР РАН [Электронный ресурс] URL: <http://museum.idbras.ru> (дата обращения: 13.03.2024).

Клевезаль Галина Александровна // Устная история [Электронный ресурс]. URL: <https://oralhistory.ru/members/klevezal> (дата обращения: 13.07.2022).

Кто есть кто: Биоразнообразие. Россия и сопредельные регионы / Под ред. Н.Н. Воронцова. М.: КМК, 1997. С. 219.

Мина М.В., Клевезаль Г.А., (Формозов Н.А.). Об учебе в Кружке юных биологов Московского зоопарка в 1940-е годы, об экспедициях в заповедники и стройке на биостанции МГУ. 2012 // Устная история [Электронный ресурс]. URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-1482> (дата обращения: 13.03.2024).

Мина М.В., Клевезаль Г.А., (Формозов Н.А.). Вторая беседа. 2014 // Устная история [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zesLTyhZFR0>

Орлин Федор Яковлевич [Электронный ресурс] // Книга Памяти жертв политических репрессий Рязанской области. URL: <https://memoryazan.ru/citizens/1861> (дата обращения: 13.07.2022).

Яблоков А.В. Яблоков Сад. Воспоминания, размышления, прогнозы (сборник). М.: ВегаПринт, 2018. 500 с.

G.A. Klevezal: "I knew that all avenues were open for me..."

DMITRY A. ZUBAREV

N.K. Koltsov Institute of Developmental Biology (IDB) of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; d.zubarev@idbras.ru

This is a brief biographical background for the memoirs of Galina A. Klevezal, an outstanding biologist, the author of a new method for determining the age of mammals and a pioneer in the field of the recording structures in mammals. In her memoirs she recalls her difficult childhood in post-war Moscow, the beginning of her path to science, her passion for biology, attending the Circle of the Young Biologists of the Zoo (KYuBZ) and meeting her future husband, a prominent ichthyologist M.V. Mina, her studies at Moscow State University, the first expeditions and the beginning of work in the laboratory of Sergei E. Kleinenberg and Alexey V. Yablokov in 1961.

Key words: Galina Klevezal, mammalogy, theriology, recording structures, memoirs.

References

Demidova O. Pozdravliaem Galinu Aleksandrovnu Klevezal' s iubileem! [Congratulations to Galina Aleksandrovna Klevezal on her anniversary!] // Marine Mammal Council. Retrieved may 2019 from URL: <https://marmam.ru/news> (in Russian).

Emel'ianenkov A.F. Kollegi i soratniki proshchaiutsia v Moskve s biologom i drugom Galinoi Klevezal' [Colleagues and associates bid farewell to biologist and friend Galina Klevezal in Moscow] // Rossiyskaya Gazeta. Retrieved 12.07.2021 from <https://rg.ru/2021/07/12/kollegi-i-soratniki-proshchaiutsia-v-moskve-s-biologom-i-drugom-galinoj-klevezal.html> (in Russian).

Ivanter È.V. Pamiati Galiny Aleksandrovny Klevezal' [In memoriam Galina Aleksandrovna Klevezal] // Zoologicheskii zhurnal, 2021, Vol. 100, No. 12. P. 1439-1440 (in Russian).

Klevezal' A.P. Opticheskii metod izucheniia napriazhenii v sooruzheniakh na modeliakh [Optical method for exploring stress in constructions using models] / Ed. G.I. Pokrovsky. Moscow-Leningrad.: Stroizdat, 1940. — 56 p. (in Russian).

Klevezal' G.A. Printsipy i metody opredeleniia vozrasta mlekopitaiushchikh [Principles and Methods for Determining the Age of Mammals], Moscow: KMK, 2007. (in Russian).

Klevezal G.A., Feoktistova N.Yu., Shchepotkin D.V., Surov A.V. Specific features of the record of hibernation on the incisor surface in *Allocricetulus* Hamsters // Biology Bulletin, 2015, 42(8): 742-754 DOI:10.1134/S106235901508004X.

Klevezal' G.A., Kleinenberg S.E. Opredelenie vozrasta mlekopitaiushchikh po sloistym strukturam zubov i kosti [Age determination in mammals based on annual layers in teeth and bone]. Moscow: Nauka, 1967, 142 p. (in Russian).

Klevezal' G.A., Smirina E.M. Registriruyushchie struktury nazemnykh pozvonochnykh. Kratkaya istoriya i sovremennoe sostoyanie issledovaniy. [Recording structures of terrestrial vertebrates. A brief history and current state of research] // Zoologicheskii zhurnal. 2016; 95(8):872-896. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.7868/S004451341608007>

Klevezal' G.A., Zaitseva E. A., Shchepotkin D. V., Feoktistova N. IU., Chunkov M. M., Surov A. V. Est' li zapis' zimnei spiachki na poverkhnosti reztsov u obyknovennogo khomiaka (*Cricetus cricetus*, Rodentia, Cricetidae)? [Is there a record of hibernation on the surface of incisors in the common hamster (*Cricetus cricetus*, Rodentia, Cricetidae)?] // Zoologicheskii zhurnal, 2020, volume 99, no. 1, pp. 104-112. (in Russian).

Klevezal, Galina Aleksandrovna // Ustnaia istoriia [Oral history]. Retrieved 12.07.2021. from <https://oralhistory.ru/members/klevezal> (in Russian).

Klevezal, G.A.; Lobkov, V.A.; Shchepotkin, D.V. Hibernation records on the surface of rodent incisors: intraspecific variations and interspecific differences // Biology Bulletin, 2021, vol. 48, issue 9, pp. 1571-1586

Mina M.V., Klevezal' G.A., (Formozov N.A.). On the studies at the Circle of Young Biologists at the Moscow Zoo in the 1940s, on the expeditions to nature reserves and the building works at the MSU Biological Station. 2012 // Ustnaia istoriia [Oral history]. Retrieved 13 March 2024 from <https://oralhistory.ru/talks/orh-1482> (in Russian).

Mina M.V., Klevezal' G.A., (Formozov N.A.). Second conversation. 2014. // Ustnaia istoriia. [Oral history]. Retrieved 13.07.2022 from <https://www.youtube.com/watch?v=zesLTyhZFR0> (in Russian).

Orlin Fēdor Iakovlevich // Kniga Pamiati zhertv politicheskikh repressii Riazanskoī oblasti [Book of Memory of the Victims of Political Repressions in the Ryazan Oblast]. Retrieved 13.07.2022 from <https://memoryazan.ru/citizens/1861> (in Russian).

Vorontsov N.N., ed. Kto est kto: Bioraznoobrazie. Rossiya i sopredelnye regiony [Who Is Who: Biodiversity. Russia and bordering regions]. M.: КМК, 1997, p. 219. (in Russian).

Yablokov A.V. Yablokov Sad. Vospominaniia, razmyshleniia, prognozy [Yablokov Garden. Memories, Ponderings, Prognoses]. Moscow: VegaPrint. 2018. (in Russian).